

Борисъ Павловичъ
ВОЙНАРОКІЯ

П. П. ГНѢДИЧЪ

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ

ТОМЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Н. А. Лебедева, Невскій, 8

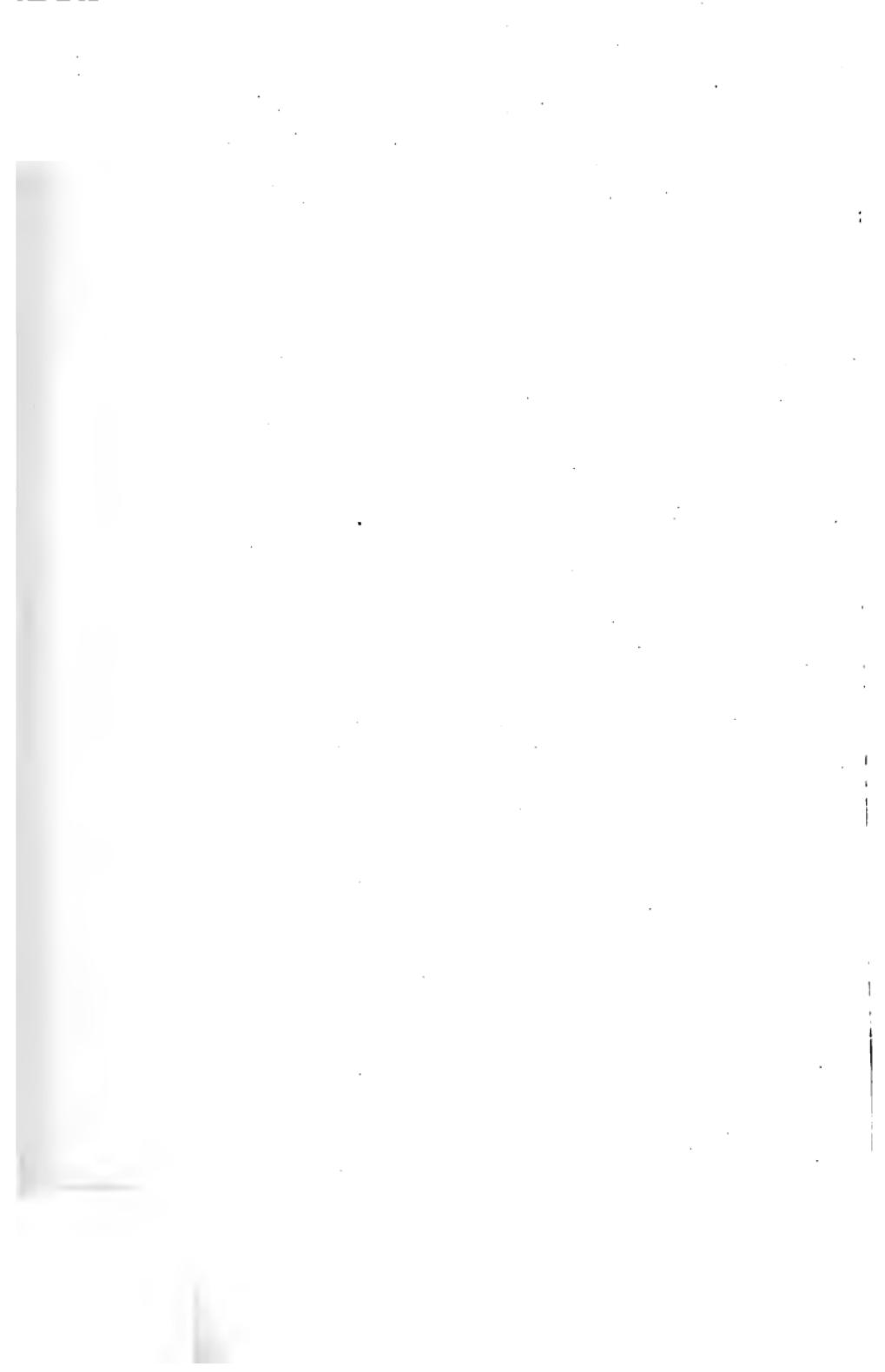
1890

X P 2449 (2)

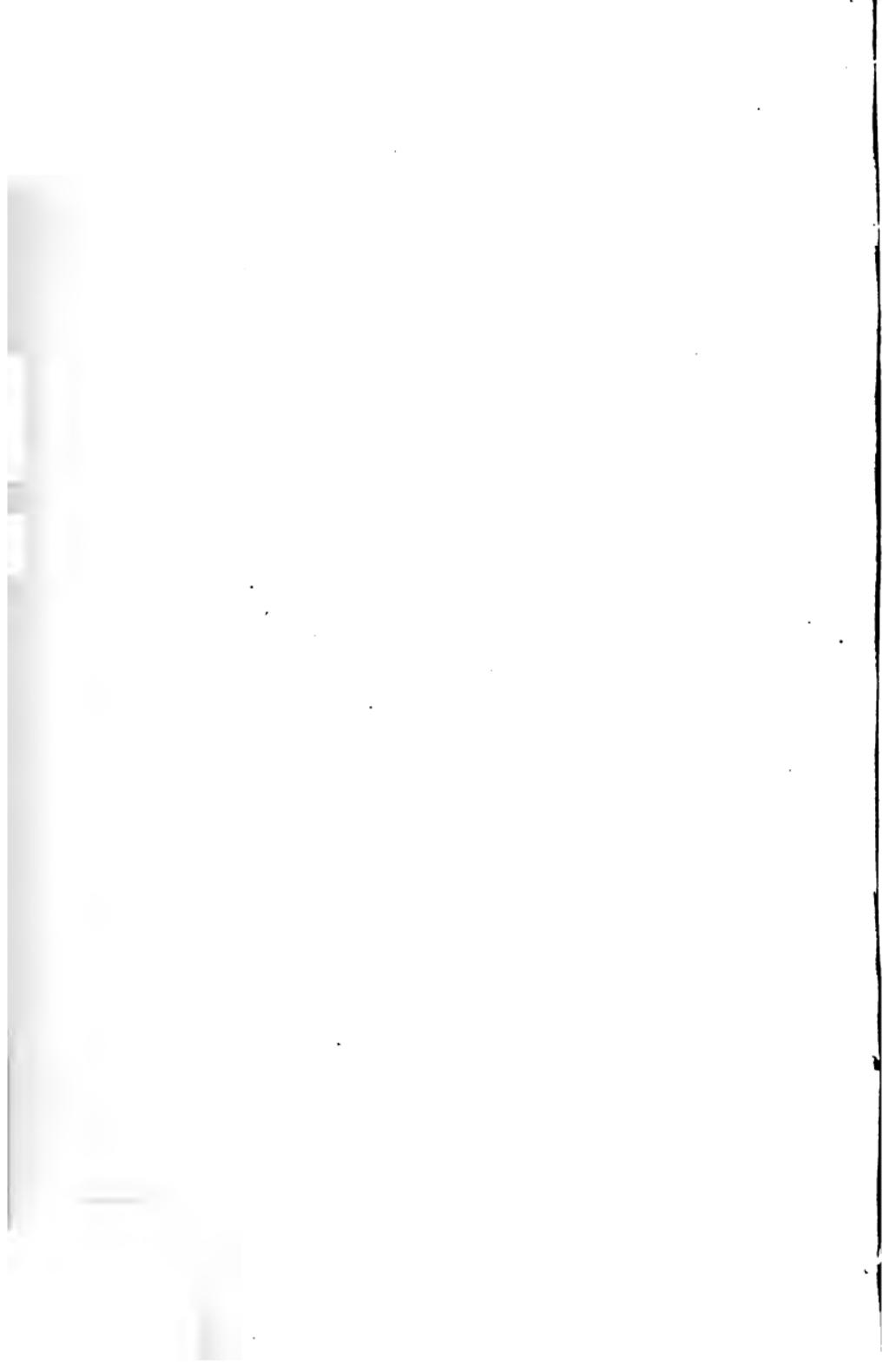

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Сны	1
Работа Христіана Богдановича	73
Кулисы:	
I. Курочкинъ	89
II. Онъ и она.	111
Сърое утро.	137
Буря.	157
Швейцарь.	249
Невозвратное время	265
Юбилиаръ	277
Инженеръ Благонасущенскій.	289

С Н Ы.

I.

Мать игуменья еще съ вечера чувствовала себя нездоровой. Голова тяжелая, въ спинѣ дрожь, аппетита нѣть никакого. Она легла раньше чѣмъ всегда въ постель и положила на лобъ мокрое полотенце. Въ виски съ болью стучала кровь,—теплое зимнее одѣяло, не смотря на май мѣсяцъ, не грѣло ее. Черемуха цвѣла подъ окномъ қели и въ комнату вливалось ея приторное, густое благоуханіе. Но игуменья и его не чувствовала: она лежала вытянувшись на своей большой твердой кровати, и все про себя повторяла: «нельзя болѣть, нельзя,—некогда!»

На слѣдующій день ей, дѣйствительно, предстояло много дѣла Во-первыхъ—ран-

нимъ-рано мѣстный крѣзъ Луховицынъ слу-
житъ свою обычную заупокойную обѣдню,—
надо будетъ этого полусумасшедшаго ублажить: онъ триста рублей платить за службу,—
а такой вкладъ монастырю польза великая
и пренебрегать имъ нельзя. Во-вторыхъ—
долженъ середи дня прїѣхать старецъ Сма-
рагдъ, пользующійся необычайнымъ уваже-
niемъ всего округа и впервые посѣщающей
ихъ обитель. Старецъ прїѣдетъ ради великаго
дѣла: исцѣленія сестры Варвары отъ кликуше-
ства и припадковъ, которые мучатъ ее уже
слишкомъ полгода. Прибытие столь необыч-
ныхъ посѣтителей и заставляло главнѣйшимъ
образомъ волноваться мать Евпраксію: что
какъ она да не сможетъ встать на завтра
съ постели? Чѣмъ тогда будетъ?

Мысль эта неотвязно вертѣлась передъ ней
въ лихорадочной дремотѣ. Представлялось
ей, какъ сестры напутаютъ,—и обѣдню пове-
дутъ не какъ надо, и торопиться будутъ,
и старца не съ подобающимъ торжествомъ
встрѣтятъ.—«Вотъ когда будетъ срамота!»—
думала она, и чувствовала, что при одномъ
представленіи обѣ этомъ кровь бросается въ
голову—въ темя начинаетъ стучать какъ
молотками, а внутри, въ самомъ мозгу, точно

что шевелится и производитъ такую тупую, ноющую боль.

Только подъ утро, когда золоченые кресты обители стали уже розовѣть отъ разгоравшейся зари, игуменья заснула тяжелымъ сномъ. Сонъ былъ настолько крѣпокъ, что она, чуткая по обыкновенію, не слыхала на этотъ разъ проснувшейся подъ окномъ жизни—спѣшныхъ шаговъ инокинь по деревяннымъ мосткамъ, пѣнія пѣтуха, визжанія засова у монастырской пекарни. Даже когда старая Анна начала звать ее по имени и трясти за плечо,—даже тогда она не могла сразу очнуться и открывъ глаза, долго смотрѣла на старуху не понимая въ чемъ дѣло.

— Спрашивають тебя, матушка,—разслышала наконецъ она.

— Пріѣхалъ Луховицынъ?

— Нѣтъ, не Луховицынъ, а Вересаевъ.

Фамилія эта заставила мать Евпраксію сразу спустить ноги съ кровати.

— Вересаевъ? повторила она.

— Да не одинъ,—съ барышней какой-то. Барышня сидить въ тарантасѣ. Вотъ и записочка вамъ.

Игуменья вдѣла ноги въ шлѣпанцы и, подойдя къ окну, откинула занавѣску. При-

щуренные глаза, еще туманившиеся сномъ, плохо разбирали мелкую скоропись на оторванномъ листкѣ мяты бумаги. Послѣ нѣкотораго усилия, мать Евпраксія прочла: «Примите меня сейчасъ, не медля ни минуты, достопочтеннѣйшая мати Евпраксія,—спасите души христіанскія!»

— Ты говоришь—съ барышней? спросила она, обернувшись къ Аннѣ.

— Съ барышней,—и не знаю, какая—первый разъ вижу. Худенькая такая, чернявая,—на лбу пукольки.

— Что же ему надо?

— Спѣшное, говоритъ, дѣло.—Матушку желаю, говоритъ, видѣть немедленно,—скажи, моль, коли не выйдетъ сейчасъ,—на березѣ передъ ея окномъ повѣшусь... Такъ и доложь, говоритъ, безпремѣнно, безъ промедленія, что, моль, повѣшусь.

Мать Евпраксія колебалась; голова болѣла по вчерашнему, и лучше не было. Стѣнныя часы въ кругломъ футлярѣ показывали безъ четверти семь.—Принимать или не принимать?

У Вересаева ужасная репутація. Вересаевъ—пугало всего округа; во-первыхъ, онъ пьетъ коньякъ бутылками; во-вторыхъ, романы его

до безконечности разнообразны. То его собирается убить за жену мельникъ; то губернскій прокуроръ вызываетъ его на дуэль; то судья мировой проситъ полиціймейстера принять какія-нибудь мѣры относительно красивой судьихи. Но, оставивъ все это въ сторонѣ, мать Евпраксія не могла не сознаться, что любить Вересаева. Въ немъ было что-то непосредственное, живое, свѣжее. Вдобавокъ, онъ былъ ей крестникомъ, и она звала его «ты».

— Хочетъ сказать лично, и очень нужное... Съ барышней пріѣхалъ... Конечно, слѣдуетъ во чтобы то ни стало его принять...

— Давай умываться,—сказала она, осѣнясь широкимъ крестомъ и низко кланяясь передъ иконой Одигитріи.

II.

— Однако—чего ему надо отъ меня,—и съ какой такой барышней?—перебирала она въ головѣ, намыливая себѣ руки московскимъ мыломъ, которое ей всегда присыпалъ братъ-художникъ и которое сообщало рукамъ удивительно-нѣжное благовоніе, столь приличе-

ствующее сану игумены.—И оплескивая себѣ лицо холодной колодезной водой, мать Евпраксія, какъ это часто бываетъ, вдругъ вспомнила ту смутную цѣль сновидѣній, что грезилась ей подъ утро. Нехорошее что-то въ нихъ было. Видѣла она стариичка, который согнувшись надъ аналоемъ быстро что-то читаль и шамкалъ, пошевеливая губами. Шапка на немъ была бархатная, остроконечная,—и лицо все въ мелкихъ морщинахъ. Почитаетъ—почитаетъ, и захочетъ,—такъ вотъ дробью, мелкой дробью и разсыплется. Схватится за края аналоя и хохочетъ, хохочетъ,—даже слезинки на глазахъ навернутся и побѣгутъ по щекамъ, по бородѣ,—и на кончикѣ волосъ остановятся. И читаетъ онъ что-то о какомъ-то царѣ, который ёдетъ на змѣѣ—и ликуетъ. Потомъ стариичекъ исчезъ куда-то—точно трубкой свернулся, а вместо него стала на заднія лапы медвѣдица—и говоритъ человѣческимъ голосомъ: «аще убо не покаешься,—будетъ языцей истребленіе и восхищеніе праведниковъ». — А мать игуменья и говоритъ: «это текстъ апокриїческій—нѣтъ его въ святомъ писаніи». — Тогда медвѣдица свернулась въ комочекъ и сказала: «днесъ умалена есмь». Потомъ лодка боль-

шая-большая явилась и рѣчка такая веселая, между двухъ стѣнъ зелени. Цвѣты большіе, какъ подсолнечники, только совсѣмъ красные, — и такъ головами и киваются.—Птицы райскія съ кривыми хвостами сидятъ, поютъ-заливаются, какъ свирѣль точно. Въ лодкѣ все дѣвушки,—тоже веселыя, зубы такъ у нихъ изъ-подъ алыхъ губъ и свѣтятся. И вѣночки онѣ на воду пускаютъ,—а вѣночки все изъ мальвы пополамъ съ васильками... Ну, совсѣмъ такъ, какъ сорокъ пять лѣтъ назадъ было, когда въ Троицынъ день она съ дивчатами по рѣчкѣ ѿздила.

— Цвѣты — вѣдь это къ слезамъ?—спросила она у Анны.

— Это во сняхъ-то?—переспросила она.—
Къ хлопотамъ больше, я такъ замѣчаю...

Да, чего другого, а хлопотъ много. Не оберешь сколько. И такъ это всегда бываетъ: то полоса такая, что дѣлать по цѣлымъ недѣлямъ нечего, то вдругъ навалить, навалить дѣла полонъ ротъ, не пережуешь. А тутъ еще болѣзнь эта привязалась. Круги такъ и прыгаютъ передъ глазами, шатаетъ изъ стороны въ сторону. На свѣтъ глядѣть больно, кожа сухая, глаза такъ и сверкаютъ жаромъ.

Стала мать Евпраксія предъ Одигитріей,

подняла голову, и начала обычное молитвословие. Забыла на время и болезнь, и гостя, и мальвы. Молитвы церковные у нея по своему связаны, въ ей одной понятной последовательности. И поклоны земные такъ соответствуютъ чтенію, что только она одна и знаетъ, почему это надлежитъ дѣлать такъ, а не иначе. Особенно длиненъ ея синодикъ, который читаетъ она на память. Въ немъ до полусотни именъ какихъ-то давно-забытыхъ міромъ людей, но которыхъ она ежедневно утромъ и вечеромъ поминаетъ. Есть некоторые имена и живущихъ, за которыхъ она молится какъ-то съ большимъ порывомъ. Каждый разъ, когда она поминаетъ какого-то Евстратія, она опускается на колѣни и, лбомъ коснувшись своего коврика, нѣсколько мгновений остается такъ, недвижно, какъ статуя изъ чёрнаго мрамора. Потомъ подниметь кверху свои голубые, свѣтлые глаза—и такая любовь къ небеснымъ силамъ видна въ ней, и такъ далеки отъ нея земные страсти...

Но вотъ и послѣдній поклонъ положенъ. Опять болѣзненное непривычное чувство недуга охватило ее. Она подошла къ зеркалу и невольнымъ женскимъ жестомъ, по старой привычкѣ, оправила на себѣ платье.

День, какъ нарочно, яркій, сверкающій. Природѣ точно и дѣла нѣть до ея смутнаго недомоганья. Птицы такъ и заливаются. Ласточки носятся подъ окномъ, такъ и вереща въ тепломъ воздухѣ мая. Если-же дана ей болѣзнь—и въ этомъ напоминаніе: помни, что ты перстъ земная, и что вѣтру достаточно подуть, чтобы ты разлетѣлась прахомъ. Духъ одинъ вѣченъ, а плоть наша—скудельный сосудъ и не болѣе.

— А что Варвара? спросила она у Анны,— переносясь мыслию на немощную плоть кликуши, и вспоминая не безъ трепета о пріѣздѣ старца Смарагда.

— Притихла,—отвѣтила Анна,—сидѣть на крылечкѣ и себѣ подъ носъ ухмыляется.

— Ну, проси сюда этого Вересаева,—проговорила игуменья, и повернувшись къ двери, стала ожидать гостя.

III.

Въ комнату стремительно вошелъ молодой еще человѣкъ—лѣтъ тридцати трехъ не больше, съ пѣлымъ кудломъ взбудораженными волосами, съ густой бородой и чёрными